

Terhi Ainiala

University of Helsinki, Helsinki, Finland

On a New Project in the Study of Anthroponymic Systems in Finnic Languages

Voprosy onomastiki, 2017, Volume 14, Issue 3, pp. 97–104

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.025

Language of the article: Russian, English

Айниала Терхи

Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия

О новом проекте по изучению антропонимических систем в прибалтийско-финских языках

Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 97–104

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.025

Язык статьи: русский, английский

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.025

Terhi Ainiola

University of Helsinki
Helsinki, Finland

ON A NEW PROJECT IN THE STUDY OF ANTHROPONYMIC SYSTEMS IN FINNIC LANGUAGES

In recent years, the number of studies on historical and modern onomasticon of Finno-Ugric peoples has seen a considerable increase. One important step in this direction is the research project that aims at reconstruction and analysis of the anthroponymic systems in the Finno-Ugric languages. The project is funded by the Academy of Finland (2015–2019) and led by Terhi Ainiola from the University of Helsinki. It is a collaboration of an international group of researchers specializing in Finnish (T. Ainiola), Karelian (O. Karlova, D. Kuzmin), Estonian (E. Saar), Mari (A. Pustyakov), and ancient Finnic anthroponymy (J. Saarikivi).¹

The project focuses on the study of personal name systems in the Uralic languages, with a special emphasis on reconstructing their historical strata and cultural contacts as reflected in personal names. The project aims to restore, as far as it can reach, a picture of Pre-Christian or early Christian anthroponymic systems, and to do this by referring to archival materials, field work data, as well as modern surnames and toponyms. Although the primary focus is on the study of the Finnic languages and Mari, other Finno-Ugric languages are also taken into consideration. In this connection, the overall goal of the research group is to develop a Uralic anthroponymic database that would

¹ See the project's web site: <http://blogs.helsinki.fi/personal-name-systems>.

enable systematic collection and presentation of the personal name systems of the Finno-Ugric languages and provide basic guidelines for its structural and semantic analysis.

In their work, the members of the research team rely on the extensive international experience in the study of anthroponymy. The topicality of the project stems from the fact that personal names are always pervaded with cultural implications, such as traits of religious, linguistic, and ethnic identity, which makes anthroponyms an object of great interest for sociologists, historical and cultural researchers. Furthermore, anthroponyms are not isolated elements within a language or its nomenclature, they represent a complex system with different sub-systems. These systems are culturally specific: some languages use several first names, others use personal names and patronyms: some prefer names passed on within the family, others employ new names for every new generation, etc.

In all cultures, giving a name to a child means them getting accepted as members of the community. As Richard Alford [1988] has demonstrated, there are basically two ways that personal names can convey the identity: in the first place, they tell other members of the community who the individual is, and, secondly, they tell the community who he/she is expected to be. Personal names, thus, have a significant role in building a person's individual and social identity and constituting links between generations, families, clans, and tribes. They express various religious, political, ethnic, and other values associated with groups of people. In this connection, they also reflect political, religious or axiological changes and build historically multi-layered systems that can be implemented in the cultural reconstruction of the past world views.

In addition to identification, a name also has a classificatory function. Apart from identification as is, personal names also indicate affinity with a certain group, by which providing a social identity that is often explicitly gendered. They powerfully express the speakers' sense of local affiliation, their cultural identity, and system of values. While the basic identification function of personal names is the same everywhere, their secondary societal and group-related functions may vary depending on the cultural context. As elements inherited from the past, names often reflect more archaic linguistic and cultural relations, concepts, and value systems than the present language uses, providing invaluable insights into conceptual realms, inter-group relations, cultural identities, and beliefs of the earlier days. Hence, the study of anthroponyms is an inherently interdisciplinary field of investigation with implications beyond those of pure onomastics.

Looking in this perspective at the Finno-Ugric personal name systems leads us to conclude that they have been relatively little studied. The only monographic description of the ancient anthroponymic system of the Finnic-speaking peoples [Stoebke, 1964] was written more than half a century ago and reflects the early structuralist approach. In recent years, some handbooks in Finno-Ugric anthroponymy have been published [cf. Chernykh, 1995; Mikkonen & Paikkala, 2000; Rajandi, 2005], including some works in Udmurt tribal (or vorshud) names [Atamanov 1996; 2001], but these publications

contain very little information as to the naming motivation. Some toponymic studies [Mullonen, 1994; 2002; Karlova, 2004; Saarikivi, 2003; 2006] shed light on some aspects of the ancient Finno-Ugric anthroponymy, as reconstructed on the basis of toponymic data, especially in the historical area of the eastern Finnic languages; a number of names are also investigated drawing on materials from Novgorod birch bark manuscripts [Saarikivi, 2007]. It is obvious that a similar methodology can also be applied to the study of ancient anthroponymy of other ethno-linguistic areas.

However, it seems that while toponymic studies in Finland, from 1970s onwards, have developed entirely new paradigms and produced many fruitful results in the field of name typology, distribution of naming patterns and toponymic stratification [see e.g. Ainiala, Saarelna & Sjöblom, 2012, 47–60], the historical study of anthroponyms has almost stalled. No attempt for an etymologically relevant reconstruction of ancient Finnic or other Finno-Ugric personal name systems has been made. Which is especially regrettable as new materials for such venture are now available not only in the expanding place name collections: mythology and folklore constitute another valuable source of Finnic anthroponymy — in this field, there have been obtained some significant results [cf. Siikala, 2012], and this work should be continued.

Coming back to the project carried out in Finland, we have to underline that its primary aim is to reconstruct, etymologically describe and contextually study Pre-Christian and Early Christian Uralic anthroponymic systems. The main data for this reconstruction is constituted by anthroponyms, mainly surnames, attested in historical sources and collections of fieldwork materials, as well as toponyms derived from the anthroponyms. Similar methodologies have earlier been employed by O. Karlova [2007] and J. Saarikivi [2007], and they will be developed further in the course of the current research.

Besides this primary goal relating to the study of anthroponymic systems, the project has important implications for the reconstruction of the early history and culture of the Uralic speaking peoples. It is estimated that the anthroponymic data will help to reveal their mythological concepts, denominations of neighbouring ethnicities, as well as culturally relevant naming practices related to the ethnolinguistic world view of the past populations. In this interdisciplinary framework, the project will employ, as far as possible, the results obtained in mythology, folklore and comparative religion studies.

The research is expected to shed light on many pivotal problems of Finno-Ugric onomastics, most notably, in terms of “deciphering” a large number of modern surnames, place names (especially settlement names) and, probably, the entire strata of the onomastic system. Furthermore, it is likely to bring into focus the different naming motivations that date back to different cultural periods (hunter-gatherer vs. agricultural, inherited vs. borrowed, etc.).

It is clear that in the next five years we will not be able to obtain an exhaustive solution for all these problems. Within the framework of the current project, we intend

to make only first steps to a much wider research. The articles published in this section are to indicate the general strand of our intentions.

-
- Ainiala, T., Saarelma, M., & Sjöblom, P. (2012). *Names in Focus. An Introduction to Finnish Onomastics*. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Alford, R. D. (1988). *Naming and identity: a cross-cultural study of personal naming practices*. New Haven: HRAF Press.
- Atamanov, M. G. (1996). *Istoriia Udmurtii v geograficheskikh nazvaniiaxh* [History of Udmurtia through Geographic Names]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Atamanov, M. G. (2002). *Po sledam udmurtskikh vorshudov* [In the Footsteps of the Udmurt Vorshuds]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Chernykh, S. Ya. (1995). *Slovar' mariiskikh lichnykh imen* [A Dictionary of Mari Personal Names]. Ioshkar-Ola: MarGU.
- Karlova, O. (2007). Das karelische Personennamensysteme [Personal Name System in Karelian]. In A. Brendler, & S. Brendler (Eds.), *Europäische Personennamensysteme. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch* [European Personal Name Systems. A Handbook from Abaza to Central Ladin] (pp. 363–371). Hamburg: Baar-Verlag.
- Karlova, O. L. (2004). *-L-ovaia model' v toponimii Karelii* [The L-Model in Karelian Toponymy] (Doctoral dissertation). PetrGU, Petrozavodsk.
- Mikkonen, P., & Paikkala, S. (2000). *Sukunimet* [Surnames]. Helsinki: Otava.
- Mullonen, I. I. (1994). *Ocherki vepsskoi toponimii* [An Outline of Veps Toponymy]. Saint Petersburg: Nauka.
- Mullonen, I. I. (2002). *Toponimiia Prisivir'ia: problemy etnoiazzykovogo kontaktirovaniia* [Toponymy of Prisivirye: Ethno-Cultural Contacts]. Petrozavodsk: PetrGU.
- Rajandi, E. (2005). *Raamat nimedest* [Dictionary of Personal Names] (2nd ed.). Tallinn: Tammerraamat.
- Saarikivi, J. (2003). *Taipaleentakaisten tšuidien paikannimet: Pinegan piirikunnan suomalais-ugrilaisen substraattinimistöän perusosa vastaavassa asemassa esiintyvät elementit* [Journey back to Chud Place Names: The Elements Occurred in a Similar Position in Basic Components of Finno-Ugric Substrate Toponyms of Pinezhsky District] (Unpublished licentiate thesis). Helsinki: Univ. of Helsinki.
- Saarikivi, J. (2006). *Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects*. Tartu: Tartu Univ. Press.
- Saarikivi, J. (2007). Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. In J. Nuorluoto (Ed.), *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North* (pp. 196–246). Helsinki: Univ. of Helsinki.
- Siikala, A.-L. (2012). *Itämerensuomalaisten mytologia* [Mythology of Baltic Finns]. Helsinki: SKS.
- Stoebke, D.-E. (1964). *Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines urfinnischen Namensystems* [The Old Finnic Personal Names in the Proto-Finnic Name System]. Hamburg: Leibnitz-Verlag.

Received 26 June 2017

Терхи Айниала

Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия

О НОВОМ ПРОЕКТЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

В последние годы заметно возросло количество исследований, посвященных историческому и современному ономастикону финно-угорских народов. Одним из важных шагов в этом направлении явился исследовательский проект, нацеленный на воссоздание и изучение антропонимических систем в финно-угорских языках. Проект выполняется под руководством Терхи Айниала в Хельсинкском университете при поддержке Академии Финляндии (2015–2019). В проекте принимает участие международный коллектив ученых, специализирующихся на изучении финской (Т. Айниала), карельской (О. Карлова, Д. Кузьмин), эстонской (Э. Саар), марийской (А. Пустяков), а также древней прибалтийско-финской антропонимии (Я. Саарикиви)².

В первую очередь проект направлен на изучение систем **личных имен**, при этом особое внимание уделяется реконструкции их исторических страт и воссозданию картины межэтнических культурных контактов, получивших отражение в личных именах. Участники проекта по мере возможности стремятся реконструировать дохристианские и раннехристианские антропонимические системы, используя архивные источники и полевые данные, а также современные фамилии и топонимию. Особый акцент сделан на изучении ономастикона прибалтийско-финских и марийского языков, но принимаются во внимание и другие финно-угорские языки. Конечной целью исследовательской группы, работающей в рамках проекта, является создание базы данных по антропонимии финно-угорских языков, что позволит не только представить их антропонимические системы в целом, но и сформировать базовые рекомендации для структурного и семантического анализа этого материала.

В своей работе участники проекта опираются на уже имеющийся значительный мировой опыт изучения антропонимии. Актуальность антропонимических исследований объясняется тем, что в человеческом имени всегда запечатлена культурная информация, связанная с этнической, религиозной, языковой идентичностью людей, — тем самым антропонимия представляет интерес не только

² См. сайт проекта в сети Интернет: <http://blogs.helsinki.fi/personal-name-systems/>.

для лингвистов, но и для культурологов, историков, социологов. При этом антропонимы являются не изолированными элементами языка или его ономастикона, а системой с различными подсистемами. Эти системы культурно-специфичны: например, в одних языках для именованя человека используется несколько личных имен, в других — личное имя и патроним (отчество); некоторые народы предпочитают передачу имен из поколения в поколение внутри семьи, другие — новые имена для каждого следующего поколения и т. п.

Во всех культурах присвоение ребенку имени означает, что он принимается как член сообщества. Как показано Ричардом Альфордом [Alford, 1988], личные имена выражают идентичность человека двумя способами: они «рассказывают» другим членам сообщества, кем является данный индивид и кем ему полагается быть. Поэтому личные имена играют значительную роль в формировании индивидуальной и социальной идентичности, в установлении связи между поколениями, семьями, родами и племенами. Они выражают различные религиозные, политические, этнические и другие ценности, ассоциированные с группами людей, — соответственно, имена отражают также политические, религиозные и ценностные изменения. Со временем антропонимы выстраиваются в исторически многослойные системы, и их анализ может способствовать реконструкции картин мира, существовавших в прошлом.

Кроме функции идентификации, имя обладает также функцией классификации. Личные имена не только идентифицируют человека, но и делают его членом группы и предоставляются ему вместе с социальной идентичностью, которая часто является гендерно маркированной. Имена служат ярким выражением локальной принадлежности, культурной идентичности и системы ценностей своих носителей. В то время как базовая функция идентификации, присущая личным именам, всюду одна и та же, их вторичные функции, связанные с социумом и группой, могут немного различаться в зависимости от культурного контекста. Как элементы, наследуемые из прошлого, имена часто отражают более архаичные языковые и культурные отношения, понятия и системы ценностей, чем те, которые существуют в современности, и поэтому имеют огромное значение в исследовании картин мира, межгрупповых отношений, культурных ценностей прошлого. Тем самым изучение антропонимов, по сути, является междисциплинарным полем исследования, выходящим за рамки «чистой» ономастики.

Если с этих позиций говорить о финно-угорской системе личных имен, то к настоящему времени она изучена явно недостаточно. Так, единственное монографическое исследование, касающееся древней антропонимической системы прибалтийско-финских народов [Stoebke, 1964], написано более полувека назад и отражает устаревшие ныне подходы раннего структурализма. В последние десятилетия были опубликованы справочники по финно-угорской антропонимии [Черных, 1995; Mikkonen, Paikkala, 2000; Rajandi, 2005] и несколько исследований, в которых уделяется внимание удмуртским родовым именам (именам

воршудов) [Атаманов, 1996; 2001], однако в этих работах довольно мало данных, касающихся мотивационной стороны имен. Отдельные топонимические исследования [Муллонен, 1994; 2002; Карлова, 2004; Saarikivi, 2003; 2006] проливают свет на некоторые особенности древней прибалтийско-финской антропонимии, реконструируемой на базе топонимического материала, особенно в историческом ареале восточных прибалтийско-финских языков; анализ ряда древних антропонимов проведен также на материале новгородских берестяных грамот [Saarikivi, 2007]. Очевидно, что подобным образом могут выявляться и изучаться древние антропонимы и в других этноязыковых ареалах.

Несмотря на безусловную ценность названных работ, следует признать, что в Финляндии изучение исторической антропонимии долгое время пребывало в состоянии застоя. Внимание уделялось главным образом топонимии — в этой сфере начиная с 1970-х гг. развивались плодотворные научные методики, давшие ценные результаты по типологии топонимов, их стратификации и дистрибуции топонимических моделей [см., например: Ainiala, Saarelma, Sjöblom, 2012, 47–60]. В то же время не было опубликовано ни одной этимологически достоверной реконструкции древних прибалтийско-финских или других финно-угорских систем личных имен. Это особенно печально, если учитывать, что новый материал для такой реконструкции сейчас доступен не только в постоянно расширяющихся сводах топонимов — ценнейшим источником древней прибалтийско-финской антропонимии являются также мифология и фольклор. В изучении их ономастикона уже получены значительные результаты [см.: Siikala, 2012], и эта работа должна быть продолжена.

Возвращаясь после всего сказанного к проекту исследователей из Финляндии, отметим, что его приоритетная цель — реконструировать, этимологически описать и контекстуально изучить дохристианские и раннехристианские антропонимические системы в финно-угорских языках. Основным источником реконструкции являются антропонимы (главным образом фамилии), засвидетельствованные в исторических источниках и полевых материалах, а также топонимы, образованные от антропонимов. Методика, опирающаяся на такой комплекс основных источников, уже применялась в исследованиях О. Л. Карловой [Karlova, 2007] и Я. Саарикиви [Saarikivi, 2007] — предполагается, что в ходе реализации проекта она получит дальнейшее развитие.

Кроме приоритетной цели, связанной с изучением антропонимических систем, результаты исследования планируется использовать для реконструкции ранней истории и культуры финно-угорских народов. Ожидается, что антропонимический материал позволит выявить мифологические представления древних финно-угорских народов, наименования соседних этнических общностей, а также культурно значимые номинативные практики, связанные с этноязыковой картиной мира в прошлом. При разработке этого междисциплинарного аспекта исследования в проекте по возможности будут использоваться

результаты, полученные в фольклористике, сравнительном религиоведении и культурологии.

Исследование должно пролить свет на многие ключевые проблемы финно-угорской ономастики. Прежде всего, оно будет способствовать «дешифровке» значительного числа современных фамилий и топонимов (особенно ойконимов), а также, возможно, целых исторических пластов ономастической системы. Кроме того, в центре внимания исследователей будут находиться различные мотивации имен собственных, восходящие к разным культурным эпохам (например, охотничье-собирательские — аграрные, исконные — заимствованные и т. п.).

Разумеется, в течение ближайших лет решение всех этих задач не сможет стать исчерпывающим. В рамках данного проекта можно говорить только о первых шагах очень большого исследования — такими шагами являются статьи, представленные в настоящей рубрике.

-
- Атаманов М. Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск : Удмуртия, 1996.
- Атаманов М. Г.* По следам удмуртских воршудов. Ижевск : Удмуртия, 2001.
- Карлова О. Л.* -L-овая модель в топонимии Карелии : дис. ... канд. филол. наук / ПетрГУ. Петрозаводск, 2004.
- Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимии. СПб. : Наука, 1994.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : ПетрГУ, 2002.
- Черных С. Я.* Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола : МарГУ, 1995.
- Ainiala T., Saarelna M., Sjöblom P.* Names in Focus. An Introduction to Finnish Onomastics. Helsinki : Finnish Literature Society, 2012. (Studia Fennica Linguistica).
- Alford R. D.* Naming and identity: a cross-cultural study of personal naming practices. New Haven : HRAF Press, 1988.
- Karlova O.* Das karelische Personennamensysteme // Europäische Personennamensysteme. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch / hrsg. A. Brendler & S. Brendler. Hamburg : Baar-Verlag, 2007. S. 363–371.
- Mikkonen P., Paikkala S.* Sukunimet. Helsinki : Otava, 2000.
- Rajandi E.* Raamat nimedest. 2. täiendatud trükk. [Tallinn] : Tammerraamat, 2005.
- Saarikivi J.* Taipaleentakaisten tšuidien paikannimet: Pinegan piirikunnan suomalais-ugrilaisen substraattinimistöön perusosaa vastaavassa asemassa esiintyvät elementit. Unpublished licentiate thesis. Helsinki : Univ. of Helsinki, 2003.
- Saarikivi J.* Substrata Uralica: studies on Finno-Ugrian substrate in Northern Russian dialects. Tartu : Tartu Univ. Press, 2006.
- Saarikivi J.* Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the ethnic, linguistic and cultural making of the Russian North / ed. by J. Nuorluoto. Helsinki : Univ. of Helsinki, 2007. P. 196–246. (Slavica Helsingiensia ; 32).
- Süikala A.-L.* Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki : SKS, 2012.
- Stoebke D.-E.* Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Hamburg : Leibnitz-Verlag, 1964. (Nord- und osteuropäische Geschichtsstudien ; 4).

Пер. с англ. А. А. Макаровой

Рукопись поступила в редакцию 26.06.2017